

практике означает также, что юрист в первую очередь является человеком, а потом уже юристом.

Кроме того, когда мы эту схему будем применять к отдельно взятым ситуациям в пространстве-времени, окажется, что инструментария юридической науки явно недостаточно. Поэтому юрист не должен закрывать глаза на то, что правом или правовой нормой не является (например, иными по отношению к правовой норме являются обычай, моральная норма, нормы обычного права и т.д.). В конце концов, философская концепция человека является самой полной. На наш взгляд, некоторые парадоксы, проявляющие себя в праве и законодательстве, своим существованием обязаны традиции уважения права и совершенным игнорированием морали. При оценке поведения субъекта в определенной ситуации, помимо разговора о том, что он имеет право делать, а чего не имеет по закону, необходимо рассматривать также моральный аспект. Этот аспект предполагает ответ на вопрос: нужно ли человеку такое-то действие, необходимо ли оно для того, чтобы быть человеком? Даже если я имею право действовать так-то, моя человеческая природа выиграет от этого или проиграет?

Литература

1. Разин А. В. Этика: Учебник — М.: Акад. проект, 2006. — 624 с.
2. Скакун О. Ф. Теория государства и права (энциклопедический курс): Учебник. — Х.: Оспада, 2005. — 840 с.
3. Пекрасов А. И. Этика. — Х.: Одиссей, 2003. — 400 с.

УДК 316.286:124.5

И. И. Матюшина

МЕСТО ЦЕННОСТЕЙ В КОММУНИКАЦИИ (ПО РАБОТАМ Ю. ХАБЕРМАСА)

Последние десятилетия XX века и начало XXI века характеризуются многими исследователями как эпоха кризиса духовности, кризиса традиционности, кризиса ценностей. Если в конце прошлого века ставилась задача осмыслить саму ситуацию и описать причины кризиса, то на сегодняшний момент необходимо уже поднимать вопрос о возможных путях преодоления кризиса ценностей. Одним из возможных ответов на этот вопрос является обращение к анализу места ценностей, ценностных ориентаций в коммуникации, их влияния на коммуникацию, а также рассмотрению способов «приобретения», воспитания, осознания и разработки ценностных ориентаций, которые представлены в работах Ю. Хабермаса.

Вначале необходимо определиться с тем, что мы подразумеваем под понятием «ценность». Самым распространенным и самым широким определением ценности, которого мы будем придерживаться, является определение через по-

нятия «значимость», «смысл». Ценностью является все то, что предстает перед человеком как значимое, причем имеющее положительное значение, имеющее смысл. Причем мы можем говорить об иерархии ценностей от общечеловеческих до ситуативных. Следует добавить, что социальные (в том числе правовые) нормы также являются видами ценностей.

Обратимся к работам Ю. Хабермаса. Юрген Хабермас различает понятия «коммуникация», «коммуникативное действие» и «дискурс». Коммуникацией он называет любую форму речевого взаимодействия, а коммуникативное действие и дискурс являются видами коммуникации [1, 84–85].

Рассмотрим, что представляет собой понятие «коммуникативное действие» с точки зрения Ю. Хабермаса, а также условия его осуществления. Понятие «коммуникативное действие» автор вводит через понятие «социальное действие» («интеракция»). Интеракцией он называет такой способ разрешения проблем, при котором действия нескольких субъектов деятельности координируются таким образом, «чтобы действия Alter состыковывались с действиями Ego» [2, 292]. В зависимости от того, каким образом используется язык в процессе координации, выделяется два вида деятельности. Если язык используется только в качестве посредника при передаче информации, такой вид деятельности Хабермас называет стратегическим действием. Если же язык выступает в качестве средства социальной интеграции, то здесь можно говорить о коммуникативном действии. В ситуации коммуникативного действия «действенным для координации участников является усилие, направленное на речевое **взаимопонимание**, то есть объединяющую силу **языка как такового**» [2, 293], тогда как в ситуации стратегического действия «достигнутая координация остается зависимой от влияния субъектов деятельности на ситуацию и друг на друга, что происходит в рамках внеречевой деятельности» [2, 293]. Именно коммуникативное действие, по мнению Хабермаса, делает возможным существование и развитие социального строя, поскольку коммуникативное действие несет в себе структуры сознательного самоограничения. «Лишь коммуникативное действие означает, что действующие индивиды используют структуры ограничения речи, которые intersубъективно принимаются (в смысле слабой трансцендентальной необходимости), для того, чтобы выйти из эгоцентричной позиции целерациональной направленности на собственный результат и соотносить себя с критерием рациональности, направленной на взаимопонимание» [2, 304]. При этом коммуникативное действие не может быть одновременно стратегическим, поскольку не могут одновременно реализоваться интенция достижения взаимопонимания и желание воздействовать на ситуацию или мнение партнера.

Таким образом, коммуникативное действие является речевым действием, направленным только на взаимопонимание, причем для того, чтобы взаимопонимание было intersубъективно признано, оно не должно содержать никаких стратегических (принудительных) элементов, например передачи информации (стратегическое действие, по Хабермасу, не ставит своей целью достижение взаимопонимания). Для соблюдения этого требования Хабермас предлага-

ет следовать ряду условий, часть которых носят этический характер, часть — логико-семантический характер, называя эти условия «аргументативными предпосылками» [3, 140].

Ю. Хабермас сразу же делает предварительное замечание, что из двух возможных видов высказываний: констатирующих и перформативных — только перформативные высказывания «внутренне или понятийно связаны с условиями коммуникации» [3, 39]. Относительно констатирующих высказываний автор отзывается следующим образом: «Говорить о том, как обстоят вещи, не означает необходимым образом участвовать в коммуникации того или иного вида, осуществляемой в реальности или, по крайней мере, в воображении, не нужно *делать* высказывание, то есть выполнять некий речевой акт» [3, 39]. Перформативное же высказывание отвечает требованиям коммуникации, поскольку оно уже направлено на то, чтобы слушающий понял то, что хочет сказать говорящий. При этом исследователь настаивает на том, что позиция понимающего — это уже позиция участника коммуникативного действия (взаимодействия), в отличие от позиции говорящего [3, 39].

По убеждению Хабермаса, языковые выражения являются необходимым элементом взаимопонимания. «Взаимопонимание относительно чего-либо является связанным с интересубъективным признанием значения высказывания, открытого критике» [2, 298–299]. Следовательно, для того, чтобы решить вопрос о том, при каких условиях достигается взаимопонимание, необходимо выяснить, при каких условиях высказывание можно назвать понятным, и для этого он обращается к логико-семантическим теориям значения. «Основной вопрос теории значения, что значит понять значение речевого высказывания, нельзя отделить от вопроса, в каком контексте это высказывание может восприниматься как то, что имеет значимость» [2, 299]. То есть вопрос о значении высказывания переходит в плоскость возможных условий значимости, причем «ориентация на возможную значимость высказываний является прагматическим условием не только взаимопонимания, а и понимания языка как такового» [2, 299]. Логико-семантические теории часто используют этот подход, в частности, Хабермас приводит пример: начиная с теории Фреге, утвердительное предложение считается истинным, когда существует ситуация, в которой оно истинно [2, 299]. Таким образом, наличие такой ситуации является пропозициональным условием моего утвердительного высказывания в качестве истинного, то есть значимого.

Но для того, чтобы говорить о философском освещении понятия значения, необходимо, учитывая логико-семантическое понимание, выйти на другой уровень анализа. Об этом говорил и Р. Стросон в статье «Значение и истина»: «На самом деле совершенно безвредно считать, что знать значение некоторого предложения, — значит знать, при каких условиях говорящий высказывает нечто истинное. Однако если мы стремимся к философскому прояснению понятия значения, то это лишь исходный пункт, а не решение нашей задачи» [4, 230]. Стросон отмечает, что, утверждая какое-либо высказывание в качестве истинного, человек тем высказывает свое убеждение в том, что положение дел в мире

именно таково, как он себе его представляет и, следовательно, говоря об истинности высказывания, невозможно не говорить о субъективном убеждении. «Прямая или косвенная ссылка на выражение убеждения неустранима из анализа высказывания как чего-то истинного (или ложного). И, как я пытался показать, нереалистично или, по крайней мере, чрезвычайно неразумно пытаться освободить понятие лингвистического выражения убеждений от существенной связи с понятием коммуникации-интенции» [4, 230].

Анализируя дальнейшее развитие идей логической семантики, Хабермас вводит еще два пропозициональных условия высказывания, претендующего на значимость, — нормативную правильность и субъективную правдивость. «Когда говорящий высказывается о чем-либо в рамках повседневного контекста, он вступает в отношение не только к чему-то наличествующему в объективном мире (как совокупности того, что имеет или могло бы иметь место), но еще и к чему-то в социальном мире (как совокупности законодательного урегулирования межличностных отношений) и к чему-то в своем собственном субъективном мире (как совокупности манифестируемых переживаний, к которым он имеет привилегированный доступ)» [3, 40]. Из этого следует, что понимать значение высказывания означает знать (и принимать) те условия, при которых данное высказывание является истинным, знать и признавать легитимность используемых норм (то есть принимать эти нормы как ценности и понимать, на какие ценности-нормы ориентируется собеседник), и верить в искренность говорящего, иначе, знать, какие аргументы может привести говорящий, чтобы обосновать претензии на истинность, нормативность и искренность данного высказывания.

Таким образом, речевой акт необходимо содержит как минимум два компонента: иллокутивную составляющую, которая реализует стремление к взаимопониманию, к диалогу, и пропозициональную составляющую, которая обещивает предмет взаимодоговаривания, то есть тематическое содержание.

Кроме того, предпосылки значимости являются интерпретаторами высказывания, благодаря которым оно становится принятым (понятым), и одновременно являются потенциальными речевыми высказываниями, связывающими данное высказывание с горизонтом языка в целом. Для того чтобы высказываться и понимать, необходимо изначально обладать знанием языка, то есть уметь грамматически правильно строить предложение, то есть обладать лингвистической компетенцией, в которую Хабермас включает также следующие компоненты: знания о всеобщих прагматических условиях коммуникативного действия; скажем, знания, как ориентироваться на значимость и взаимно приписывать что-либо друг другу; как осуществляется идентификация предметов, а также и контакт между языком и миром; чем отличаются иллокутивные от перлокутивных целей, устанавливается водораздел между субъективным и социальным мирами, с одной стороны, и объективным — с другой, как осуществляется переход от действия к аргументации» [2, 309]. Таким образом, речевой акт, направленный на взаимопонимание, возможен в том случае, когда 1) человек владеет языком, то есть может грамматически правильно построить пред-

ложение; 2) приемлемым и понятным для других способом может выразить свои претензии на истинность (подтвердить положение дел как существующее в мире, то есть подтвердить претензии на содержание высказывания), на нормативность (подтвердить легитимность отношений, ситуации, в которой происходит диалог), на правдивость (подтвердить искренность собственных интенций), что и означает готовность подтвердить свои претензии на значимость; 3) выражает желание понять (принять) претензии на значимость высказываний оппонента (реализует иллюкутивные усилия).

Безусловно, в реальной речевой ситуации эти компоненты непосредственно связаны между собой, некоторые из них могут присутствовать явно, некоторые имплицитно, но обязательное их наличие делает возможным направленный на взаимопонимание речевой акт.

В рамках принятия условий значимости Хабермас проводит различие между коммуникативным действием и дискурсом. Коммуникативное действие предполагает не критичное допущение значений и условий значимости, целью которого является обмен информацией, коммуникативное действие реализуется в рамках повседневного общения [1, 85]. Языковая деятельность в рамках коммуникативного действия реализуется нормально, если «говорящий и слушающий строят свои высказывания таким образом, что субъект действия:

а) может интенционально сообщать и соответственно понимать прагматический смысл межсубъективных отношений (которые можно вербализовать в речевых актах);

б) может интенционально сообщать и соответственно понимать значение, смысл содержания высказываний, объективированных в предложениях;

в) не ставит под сомнения претензии на значимость тех мыслей, которые реализуются в процессе коммуникации;

г) может признавать претензии на значимость каждой нормы действий, которые возникают в зависимости от обстоятельств» [1, 86].

Дискурс возникает тогда, когда претензии на значимость проблематизируются, то есть не признаются участниками коммуникации и требуют собственного обоснования. Хабермас выделяет 5 видов дискурса:

«а) дискурс как способ коммуникативного действия (например, беседа с целью получения информации, обучения или заранее организованный диспут);

б) коммуникативное действие, которое лишь внешне принимает форму дискурса (все формы идеологического оправдания);

в) терапевтический дискурс, где создание условий для дискурса является основанием саморефлексии (психоаналитическая беседа между врачом и пациентом);

г) нормальный дискурс, который служит обоснованию проблематичных претензий на значимость (например, научная дискуссия);

д) новые формы дискурса (обучение при помощи дискурса вместо дискурса как средства получения информации и инструкций, модель свободной семинарской дискуссии по Гумбольдту)» [1, 90].

Хабермас, наследуя герменевтическую традицию, говорит о том, что знание

языка неразрывно связано со знанием о мире, поскольку последнее выражено в языке [2, 304], более того, язык предстает необходимым посредником, координатором действий. Но если язык — сосредоточие знаний о мире и, следовательно, всех смыслов и ценностей, то каким же образом коммуникация влияет на обучение и приобретения ценностных ориентаций, на появление нового знания? Для прояснения этого вопроса Хабермас обращается к гуссерлевскому понятию «жизненного мира»: «...коммуникативное действие погружено в жизненный мир, который обеспечивает широкий предпосылочный консенсус, который поглощает риск. Эксплицитные достижения взаимопонимания коммуникативно действующих индивидов порождаются горизонтом общих непроблематичных убеждений; порожденное опытом и критикой беспокойства натывается, как представляется, на массивную и недвижимую скалу одобренных примеров толкований, лояльностей и умений, которые поднимаются из глубины» [2, 309]. Жизненный мир предстает как стабильное основание, недвижимый слой знаний, который противостоит изменчивым данным опыта. Однако, как замечает Хабермас, при рассмотрении речевых ситуаций необходимо различать нетематическое дорефлексивное знание от общетематического знания, создающего необходимый фон данной конкретной ситуации. Обозначить общетематическое знание ситуации можно, взглянув на ситуацию речевого взаимодействия в качестве стороннего наблюдателя, третьего лица, это знание очевидно предстает при понимании предпосылок значимости высказываний. Нетематическое знание предстает как допущения, которые должны сделать действующие субъекты (и сторонний наблюдатель в том числе) для того, чтобы речевое действие состоялось как значимое или незначимое. Хабермас объясняет это как «застигнутое в полутенях допредикативное и докатегориальное конкретное знание языка и мира, которое устанавливает непроблематичное основание для всего тематического и общетематического знания» [2, 309]. К непроблематичному знанию, таким образом, относится и лингвистическая компетенция субъекта. Хабермас акцентирует внимание на том, что Гуссерль отмечал противоречия, которые возникают между повседневной коммуникативной деятельностью, опирающейся на дорефлексивное использование языка с установкой на непроблематизирование претензий на значимость, с одной стороны, и научно-теоретическим знанием, которое как раз актуализирует претензии на значимость, делает их предметом своего рассмотрения, — с другой [2, 311]. Снять это противоречие философ предлагает следующим аргументом: нетематическое общее знание является первым знанием, общей платформой, на которой участники коммуникации строят здание семантических и прагматических обоснований своих претензий на значимость.

Структура знаний, обеспечивающих возможность признаний претензий на значимость речевого акта, выглядит следующим образом:

1. Знание горизонта — это знание обстоятельств, представленных в восприятии, которые вплетены в конкретный пространственно-временной горизонт. Участники коммуникации в состоянии осознать то, что они более-менее одинаково трактуют условия коммуникации, а также осознают возможность расхож-

дения во взглядах, обусловленное различным воспитанием и образованием, а в данной ситуации взгляды могут иметь некоторые точки совпадения — все это «делает высказывание непроблематичным и способствует его принятию» [2, 311]. То есть речь идет о знании ситуативного контекста.

2. Знание контекста, которое зависит от темы высказываний. Данное знание может быть непроблематично благодаря общим культурным, национальным, возрастным, образовательным уровням [2, 312].

3. Знание оснований, которое коренится в жизненном мире и не проблематизируется в ситуации ежедневного опыта [2, 312]. Эти основания, как уже отмечалось, актуализируются дорефлексивно и обладают тремя важнейшими признаками: 1) имеют «модус непосредственной очевидности»; 2) знания, содержащиеся в них, обладают «всеобъемлющей силой» [2, 314]; 3) целостность знания и его очевидность делают его «непроницаемым» (жизненный мир как «дебри») [2, 314–315].

Знание горизонта и знание контекста, кажущиеся наиболее прозрачными, черпают свои основания именно из знаний, заложенных в жизненном мире. «Лишь проблематизирующая сила критического опыта отделяет основания жизненного мира от того знания, которое лежит на переднем плане» [2, 315]. Таким образом, в любой коммуникативной ситуации общим полем является объединяющие основания жизненного мира. Данное утверждение влечет за собой вопрос о том, откуда или как возникают эти общие основания. Гуссерль основания жизненного мира трактует как проявления трансцендентального субъекта, то есть как граничную данность. Хабермас же определяет центр существования жизненного мира в каждой конкретной ситуации коммуникативного действия и это влечет за собой следующие важные для нас последствия-выводы:

1) жизненный мир является средоточием основных ценностей-смыслов, ценности возникают и функционируют в коммуникативной ситуации, где взаимодействуют контекст ситуативный и контекст знаний;

2) «система коммуникативных действий создает медиум, благодаря которому и производится жизненный мир» [2, 316], то есть он находится в состоянии перманентного изменения;

3) поскольку, несмотря на общность «непроблематичных» основных компонентов жизненного мира, каждый конкретный субъект реализует уникальную комбинацию коммуникативных действий, этим обеспечиваются смысловые вариации индивидуального восприятия на фоне общего образца, ядра смысла-ценности.

Чтобы прояснить механизм создания и ценностей-смыслов, нужно предварительно рассмотреть, каким образом Хабермас представляет модель производства и воспроизводства жизненного мира. Хабермас определяет жизненный мир еще как «символично структурированную связь смыслов» [2, 320]. Образцы смыслов-ценностей, которые передаются культурой, являются знаниями индивидов, но эти знания могут быть присвоены только при помощи герменевтического усилия [2, 322], что для Хабермаса является синонимом коммуникативного усилия. Усваивая образцы смыслов-ценностей, субъекты в каждой

конкретної ситуації, в ситуації комунікації можуть обогачати систему культурних образців, приче не тільки благодаря возникновению новых смыслов-ценностей в сфере искусства, но важной мыслью Хабермаса является то, что структуры картин мира, предлагаемые культурными образцами, обновляются благодаря процессам обучения, «которые благодаря им (структурам картин мира. — М. И.) становятся возможными», последствия процессов обучения «выкристаллизовываются в системе структур картин мира» [2, 323]. Вспомним, что для Хабермаса любая ситуация понимания является по своей сути ситуацией комунікації, то есть понимание для него всегда активно (герменевтично), поэтому обучение является важной системой обновления образцов знаний жизненного мира.

Таким образом, мы можем утверждать, что только проблематизируя проблему ценностей, можно говорить об усвоении ценностей каждым конкретным индивидом. Проблематизация, как мы уже выяснили, возможна в ситуации обучения, научной разработки, научного дискурса. Если наше общество ставит целью вернуть подрастающее поколение к общечеловеческим, общегосударственным, моральным и т.д. ценностям, оно должно обеспечить ему ситуации, в которых эти проблемы могут быть обсуждаемы. Иначе подрастающее поколение впитывает на интуитивном уровне те ценности или то отсутствие ценностей, которое успешно функционирует в ситуациях повседневной комунікації. Если мы обратим внимание на проблему воспитания правовых ценностей у будущих юристов, то сразу же можем заметить, что сокращение количества часов на общегуманитарные дисциплины, такие как философия, философия права, этика, как раз и лишает будущих юристов-практиков (которые не связывают свою дальнейшую судьбу с теоретической деятельностью) одной из немногих возможностей проблематизировать ситуацию ценностных ориентаций, рефлексивного обсуждения и усвоения ценностей (правовых в том числе).

Литература

1. Габермас Ю. Комунікативна дія та дискурс — дві форми повсякденної комунікації // Ситниченко Л. А. Першоджерела комунікативної філософії. — К., 1996. — С. 84–90.
2. Габермас Ю. Дії, мовленнєві акти, мовленнєві інтеракції та життєвий світ // Сроменко А. М. Комунікативна практична філософія. — К., 1999. — С. 287–324.
3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — С.Пб.: Наука, 2000. — 380 с.
4. Стросон Р. Значение и истина // Аналитическая философия: становление и развитие. — М., 1998. — С. 213–230.